

Памяти поэта

«Гори, мой свет, я не закончил слово...»

Магнитка, 30-е годы, послевоенное детство мало отражены в стихах Юрия Костарева. Известное изречение, что писать надо как дышишь, исполнялось им точно и неуклонно, но он слышал только то, что хотела слышать его душа.

Юрий Костарев выпал из всех течений и направлений, потому что время и место развития его поэзии было исторически выделено из устремлений – к кому-то примкнуть. Не увлекали его ни Блок, ни Пастернак. Костарев не примкнул ни к тем и ни к другим. Он начал создавать «прочные вещи» на основе любви и знания русского языка. Приснопамятная и незабвенная Римма Андриановна Дышаленкова, в последнюю мою встречу с ней, сказала: «Юра пишет так чисто, грамотно и легко – ни к чему не придерёшься!» Он надолго увлёкся лёгкостью поэтического бытия – стихи текли нескончаемым потоком после возвращения к творчеству из скитаний по белу свету: то в Средней Азии, то в Сибири. Я его понимала – столько лет молчал! В Магнитке

печатали его всегда щедро. Он отдавал в газету все стихи, которые только что родились. Оценить их для дальней перспективы не было никакой возможности. Я с 1968 года жила в Москве, но приезжала в Магнитку часто. Мы с братом выступали в институтах, ПТУ, библиотеках, музеях, школах, на телевидении и радио. На этой волне некогда было Юре остановиться, оглянуться, оценить пройденный путь. Иногда я позволяла себе делать ему замечания, например, о частых повторениях одной и той же темы: стихи о стихах, о быстротекущей жизни, возрастных ощущениях. Он гневался, говорил: – Ты меня осаживаешь! – Да кто же тебе ещё скажет?! – отвечала я. И как-то не заметила, когда он отошёл от современности в XIX век, к Пушкину. Легкокрылая муза его и амбициозная горделивость неожиданно смирились перед гением великого поэта. Он положил к ногам классической лиры свой венок. В цикле стихотворений Пушкину есть страдания и любовь, надежды и сожаления – ум поэта Юрия Костарева и совесть его чисты и полны свежестью и ключевой глубиной духовного переживания.

Критик и публицист Вадим Кожинов, в руках которого побывала книга Юры «Языческая ночь», на вопрос о стихах брата ответил: «В них есть всё – и стихотворчество, и мастерство, но нет живой поэтической реальности». И Кожинов заговорил о существовании стихотворцев и поэтов. Стихотворчество он называет жанром стихотворной беллетристики, именуемом так ещё со времён Белинского. Этим путём шли и идут ещё многие. Отдал этому свои силы и умение и Юрий Костарев. Однако после долгого молчания, с 1997 по 1999 годы, он создаёт настоящие стихи. И потом до конца жизни он работал в полную силу. Как отметил его друг, бывший редактором газеты «Магнитогорский металл», Станислав Рухмалёв: «Юра писал сердцем...» Поэт как бы сам себя открывал в творениях последних лет: «...Я заштатный сельский стихотворец, / был бы я поэтом, знал бы, как / заморозком тронутую поросль / отогреть, чтоб вызрел всё же злак...»

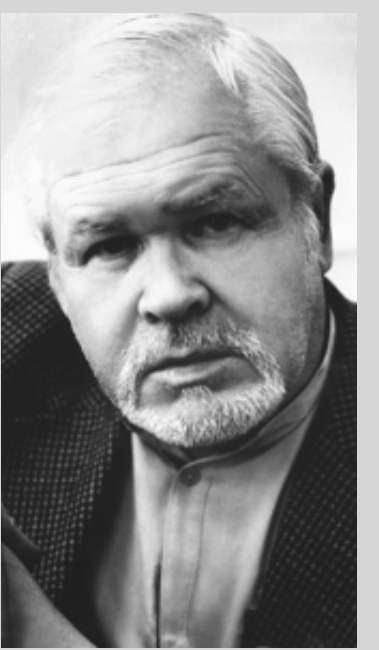
Екатерина Козырева, член Союза писателей России

Досье «ММ»

Юрий Николаевич Костарев – российский поэт, журналист, член Союза писателей России. Лауреат литературного конкурса имени К. М. Нефедьева, автор трёх книг стихов.

Родился 7 июня 1941 года в посёлке Агаповка Челябинской области в семье спецпереселенцев. Окончил агаповскую среднюю школу № 1, Магнитогорское ремесленное училище № 13 по специальности «сталевар». Работал на ММК. После службы в армии стал литературным сотрудником газеты «Магнитогорский металл» и одновременно учился в Уральском государственном университете. Первое заметное произведение в печати – «Баллада о капле стали», опубликованная в «Магнитогорском металле». В 1969 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, окончил семинар Александра Жарова.

Работал на Магнитогорском телевидении, руководил городским литературным объединением «Красное солнышко». В 1997-м в

Москве издана первая книга стихов Костарева «Языческая ночь». В 1998-м принят в члены Союза писателей России. Скончался 9 декабря 2002 года. Похоронен на родине, в посёлке Агаповка.

Поэзия

Юрий Костарев

Банальные стихи

Не утратишь банальностей,
поэт,
Ведь жизнь и смерть –
такая ли банальность?
Всё, что случилось дважды, –
тривиальность,
А трижды – просто суета сует.

Банальностей, поэт,
не отвергай:
Любовь и боль –
обыденны и слепы,
Жизнь без измены –
попросту нелепа,
Ведь вас не двое с Евой –
здесь не рай.

Всё – было,
и конца вращенью – нет,
Пока не запоздала «неотложка»,
И в маминой руке твоя ладошка,
И отчих окон незакатен свет.

Но окна немые –
мамы больше нет,
А свет не разгоняет мрака в сердце,
И ты уже пред Господом – поэт,
И ко всему обязан притерпеться.

Похмельный и голодный,
не в ладах
Ни с миром, ни с измученной женою –
И что тебе надежд
остывших прах,
Что несогласье
с нынешним собою?

Нет, мама, я не жалею тебе,
Нет, мама,
я не заслонюсь тобою...
Я заблудился в собственной судьбе
И разминулся в суете с любовью.

Но так банально хочется ещё
Десяток лет пожить...
Пяток... Ну – годик...
А поезд подан:
дальше путь свободен –
И хладный ветер сквозит
у мокрых щёк.

И солнце ночью

Я молод, и ты не одета,
И взбалмошно речка речёт,
Что пропасть ещё до рассвета...
Откуда же солнце течёт,

Когда, говоря,
ночь – как пропасть,

И солнце – на той стороне?
А этой монашке-луне
Мешает к нам выглянуть
робость...

А солнце такое – пропасть!
Взойти, раствориться
и сгинуть!
Его, говорю я, не минуть,
Не можно в него не упасть.

Дневное светило – на той,
Другой стороне. А на этой
Ты – песнею, вовремя спетой,
Луною, стыдливой святой,

И солнышком быстрого века,
Который ушёл – и не в счёт...
Казнит немота человека,
И речка безмолвно речёт.

Там, в июльских лугах

Отстучу на столетней машинке
Я старинной закваски стихи:
С тополей заструятся пушинки,
Воробьи брызнут из-под стрехи.

Цокот буковок из-под каретки –
Словно свадебный поезд летит,
В окна плещутся юные ветки,
Неуёмное солнце слепит.

И во мглу понаставившего сердца,
Словно ливнем,
прольётся твой смех:
Даже не догадавшись раздеться,
Мы ныряем в ромашковый снег.

Словно первые люди – мы снова
Заблудились в июльском лугу.
Душу мает счастливым ознобом
Всепокорность испуганных губ.

...И засветятся строки
в странице –
И в огонь я отправлю её:
Не хочу! Пусть мне больше
не снится
Отсиявшее счастье моё!

Я шёл к тебе

Стареть бы надо с кем-то,
А не из-за кого-то –
С кем ни словца не спето,
Но лишь в душе ломота.

Стареть, оно не страшно,
Когда седеешь вместе.
Вверял себя отважно...
Да, видно, много чести.

Твой дом

И у тебя, и у меня – у нас у всех –
Один лишь Дом
на вольном белом свете.
Тот, что построил ты,
так это – детям:
Для их укрыва и для их утех.

А на который ты
всю жизнь копил
И потому жил жизнью
полунищей
И перед самой пенсией купил –
Так это лишь прибежище,
жилище.

Родня тебе даст ужин и постель,
Друзей ты сыщешь
и по дальним странам.
Но это лишь – гостиница, отель,
Ночной приют
с домашним рестораном.

Неложным счастьем озарит
лишь Дом,
Где тень отца и эхо юной мамы...
Сквозь призрачный экран
оконной рамы
Чужой ночник
поблёскивает льдом.

Вот и всё

Бывают внезапные,
быстрые грозы:
Отщёлкнет кнутом
по-мальчишечьи гром,
Свежо и умыто
встряхнутся берёзы
И птица блеснёт
посвежевшим крылом.

И то, что тебя
до грозы угнетало,
Томило и гнало – зачем и куда? –
Теперь сновиденьем
и мороком стало –
Избитым, забытым
уже навсегда.

Не так ли и наша
вчерашняя встреча? –
Ведь чуть не полжизни
её ждали мы...
А это – всего лишь
задумчивый вечер,
Лишь сумерки
перед нашествием тьмы.

Эта служба

День и ночь себя одолевая,
Зверское начало избывая, –
Это служба, братики, какая?
Это вам легко, крещёна мать?

Но идёшь – и плачешь, и орёшь,
Ежели не в жилу жить иначе...
И такой пресветлый
с неба дождь,
Что и слёз не осознаешь, плача.

У осенних ворот

То ли ярым солнышком повыжгло
Голову до снежной белизны,
То ли юность шла да шла –
и вышла
За пределы счастья и весны...

Только что-то трудно
разобраться:
Сколько мне
по-правдашнему лет?
Худо то, что трижды
восемнадцать,
Хорошо – восьмидесяти нет.

Возраст – это для других,
для прочих:
Как они стареют на глазах! –
И бодрясь, не видят
между строчек
Приговора, что диктует страх.

Возраст – это где-то там,
где счётчик
У Петра-привратника включён...
Не вноси меня в реестр, Отче, –
Жизни я пока что обречён.

Пил да пил бы, кабы не похмелье,
Жил да жил бы, кабы пожилось:
Вон как падка осень на веселье,
Как пьяна рябиновая гроздь!

А случись порою непогода
Или сон худой порушит ночь, –
Поспешу к древесному народу:
– Осень, братцы!
Чем же вам помочь?

Только в полдень
солнышко проглянет –
Сразу с липы лист и потечёт...
Но пока последний лист
не свянет,
Пётр-ключарь,
не начинай отсчёт!

Там, за окном

Ликует восхищённый человек –
И в этот миг ему доступно небо,
И укрощенье собственного гнева,
И падающий в душу с неба снег.

Шептала юность,
ворковала страсть,
И жаркие сердца вина не грызла,
Что это счастье,
словно меч, нависло
Над кем-то третьим,
и мечу – упасть!

Ты не услышишь никогда меня,
Двадцатилетний
юный незнакомец, –
Из зеркала, как с полюса на полюс,
Глядит седой двойник
сквозь дымку дня.

А в зеркале сквозит проём окна,
И там, в пространстве этом
закономном,
Привольно жить уже другим
влюблённым,
Совсем уже другие времена.

И шепчет юность, полная огня,
И в упоенье восклицает счастье, –
А мой двойник
и тайный союзник
Не узнаёт вчерашнего меня.

Ни потом и никогда

А мальчишки плетутся по песку –
Кто с ластами, кто с мамами,
кто с пивом,
Кто с новою надеждой,
кто с одышкой –
Все кто куда, но все –
лицом к тебе.

А ты полночным
светишься лицом –
И отменяешь полдень,
пляж и солнце,
Земное тяготение и рифму...
Но я не буду больше подлецом:

И я не вспомню
ни потом, ни раньше,
Что это было
тридцать лет назад –
А нынче только мой сияет взгляд
Вослед тебе из молодости нашей.